

ВРЕМЯ И МЕСТО

В руках букет тигровых лилий

Жизнь Натальи Гончаровой, превращенная в искусство

КОГДА НАТАЛЬЕ ГОНЧАРОВОЙ ИСПОЛНИЛОСЬ 25 ЛЕТ, ЕЕ РАБОТЫ УЖЕ ВЫСТАВЛЯЛИСЬ В ПАРИЖЕ НА ОСЕННЕМ САЛОНЕ КАК ОДНО ИЗ ДОСТИЖЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЖИВОПИСИ.

БЫЛО ЭТО РОВНО 100 ЛЕТ НАЗАД.

Ирина Осипова

Итак, она звалась Наталья

Будущая художница-авангардистка, ровесница Пикассо и Леже, родилась 21 июня 1881 года в Тульской губернии в семье архитектора и дочери одного из профессоров Московской духовной академии. И звали ее Наталья Гончарова. Спустя не один десяток лет, в парижской эмиграции, услышав от одного из знакомых такое сочетание имени и фамилии, встрепенется Марина Цветаева. И узнав, что знаменитая художница — внучатая племянница жены великого поэта, возьмется писать ее биографию, которую и по сей день многие исследователи считают лучшим, что написано о художнице. Она найдет множество параллелей, о которых и думать не думала сама Гончарова, и из тонких нитей ее скупых рассказов сплетет ткань жизненной истории. И окажется, что места, где родилась она, — толстовско-тургеневские, и неподалеку Ясная Поляна и Бежин Луг. А первые воспоминания — огромная книга с цветными картинками животных и такая же с растениями, а еще рисунок бабушки — оранжевая лилия, сделанная акварелью на кусочке белой бумаги, и похожий на пыгана бородастый крестьянин как первое впечатление человеческой красоты. Найдет Цветаева и связь с Пушкиным — через главное родовое имение Гончаровых — Полотняный Завод. Там пушкинскими стихами исписаны стены беседки, там в великопленном барском доме останавливалась Екатерина II и фельдмаршал Кутузов, там по стенам — семейные портреты кисти

Участники Дягилевской антрепризы: Наталья Гончарова, Игорь Стравинский (сидят); Леонид Мясин, Михаил Ларионов и Лев Бакст (стоят). Франция. 1915.

Фото из каталога «Москва-Париж. 1900–1930»

монашенки, всегда отдающая громами. Тишина над громами. Загромная. Жест короткий, насущный, человека, который занят делом». Это взгляд Марины Цветаевой. Делом действительно была всегда занята. А оттого не бывала ни у парикмахера, ни у модистки. За модой не следила, зато ввела в нее платье-рубашку — черную с белым и синюю с рыжим. А еще к очередному диспуту «левых» художников нарисовала себе цветы на лице. И вслед за ней знать и бо-

зор и резкие угловатые движения придавали ей сходство с экзальтированными эсерками, которые в 1905 году звали нас из университетских аудиторий бросаться под копыта казацких коней». Он же в своем «Полуторгаллом стрельце» назвал Гончарову и других женщин-художниц того времени «амазонками авангарда», и поэтическое сравнение закрепилось за ними как штамп.

Искусство страстной амазонки

В этом ряду воительниц от искусства Гончарова была не одна. Культура Серебряного века породила целую плеяду художниц, взявших на себя заботу о развитии современной живописи. Наталья Гончарова, Любовь Попова, Ольга Розанова, Варвара Степанова, Надежда Удальцова, Александра Экстер — возможно, именно о них думали их друзья художники Владимир Бехтев и Георгий Якулов, когда писали аллегорические «Битвы амазонок». Однако Гончарова среди них — самая старшая и самая знаменитая — служила образцом для подражания и задавала общий тон. Она — участница практически всех авангард-

ных выставок второй половины 1900–1910-х годов не только в обеих российских столицах, но и в Париже, Мюнхене, Лондоне, Берлине. Она — первая кубистка России, последовательница придуманного Ларионовым лучизма, поклонница русского примитива, соединившая в своем творчестве Восток и Запад, древнюю традицию и новейшие течения, не вписывающаяся ни в одни стилевые рамки. Она — вне рамок и вне теорий. Сама Гончарова так делила свое творчество на периоды: сначала период импрессионизма и разложения красок, за ним — период синтеза, кубистический и примитивный, потом футуристический и лучистый, но и это не «последний путь», а лишь «расширение и углубление кругозора». На художественной сцене она, как сказал один из критиков, «неожиданная сенсация».

А начиналось все, как ни странно, со скульптурного отделения Московского училища живописи, ваяния и зодчества, с класса Паоло Трубецкого. За скульптуру же — малая серебряная медаль, потом — встреча с Михаилом Ларионовым, его замечание «у вас глаза на цвет, а вы заняты формой», и дальше до конца жизни, до тех пор пока руки могли держать кисть, — живопись. Училась живописи, как сама говорила, у современных французских и у Ларионова, записывая его замечания в дневник. Не боялась учиться и подражать и смеялась над теми, кто проповедовал индивидуальность и полагал «какую-то ценность в своем «я» даже тогда, когда оно до невозможности ограничено». Все современники указывают на то, что работе Гончарова была предана страстно и беззаветно, да и сама она на свои занятия живописью смотрела как на постоянный тяжкий труд. Из дневника: «...жизнь человека укладывается только в слово, не в музыку. Да может быть еще в картины, как писали жития святых». Писала все: крестьян, времена года, цветы, натюрморты, города. Писала святых и пророков и собиралась расписывать церковь где-то на юге. Сделала массу эскизов костюмов, рисунков для тканей и обоев и планировала опубликовать собственные лубки.

Персональные выставки Гончаровой каждый раз становились событием, сенсацией и даже скандалом. После однодневной выставки 24 марта 1910 года в Обществе свободной эстетики в Москве ее привлекли к суду по обвинению в порнографии. Ее религиозные композиции удалялись полицией с вернисажей и запрещались цензурным комитетом Священного Синода. А она не расстраивалась,

говорила: «Если у меня и происходит столкновение с обществом, так только из-за непонимания последним основ искусства вообще, а не из-за моих индивидуальных особенностей, понимать которые никто не обязан».

В 1913 году в Москве в художественном салоне Клавдии Михайловой была устроена огромная ретроспективная выставка Гончаровой — 760 работ в разных техниках и стилях, своеобразный творческий отчет за 13 лет. Такой экспозицией не мог похвастаться тогда никто в мире, не то что в России. И го-

музыке, хореографии и декорациях. Париж влюбился в «русский стиль», придуманный — от самого маленького орнамента на костюме до комических дворцов последнего действия — воображением художницы. Этот успех предопределил ее дальнейшую судьбу — оформление следующих спектаклей просто не могло базироваться ни на чем другом, благодаря чему Гончарова навсегда осталась русским художником, не слившись с авангардистами-космополитами «парижской школы».

А дальше — полвека парижской жизни, в старинном доме на узкой улочке Жака Калло близ набережной Сены. Сначала театральные работы у Дягилева и других импресарио, выставка у знаменитого парижского галериста Поля Гийома с восторженной статьей Аполлинера в каталоге, гастроли по Европе и успех, а потом тихое угасание славы, роспись стен ресторанов ради заработка, но всегда и неизменно — холсты, холсты, холсты.

Амазонка и рыцарь

В фильме «Драма в кабаре № 13» Ларионов с нарисованными на щеках слезами несет на руках Гончарову с маской на лице и правая грудь ее оголена — «рыцарь» и «амазонка». Ларионов и Гончарова. Гончарова и Ларионов. Как сказал один из искусствоведов, это «два имени, которые история не может разделить». Он первый, кто сказал ей, что она живописец, а не скульптор, он организатор ее выставок, ее «камертон» и «пробный камень на фальшь». С 18 лет и до смерти — 62 года рядом. Идиллия? Отнюдь. Мемуаристы в один голос твердят, что Ларионов во всем отдавал Гончаровой первенство, она же однажды дала пощечину за то, что ее назвали «госпожой Ларионовой». По-видимому, именно она в 1920-е годы стала инициатором разрыва их семейных отношений при сохранении имиджа творческой пары. Грустные глаза на фотографиях и воспоминания одной из современниц: «дверь в Мишенькину комнату плотно закрыта — в ее жизни это трагический сим-

За модой не следила, зато ввела в нее платье-рубашку

Боровиковского и Левицкого. Но Гончаровой не до ушедшей в прошлое истории, и классиков XVIII века она не жалеет. Из русской живописи признает только Александра Иванова, а больше любит лубки, иконы, живопись табакерок и подносов, изразцы. И в родовое гнездо приезжает понаблюдать за повседневной жизнью дворовых и крестьян.

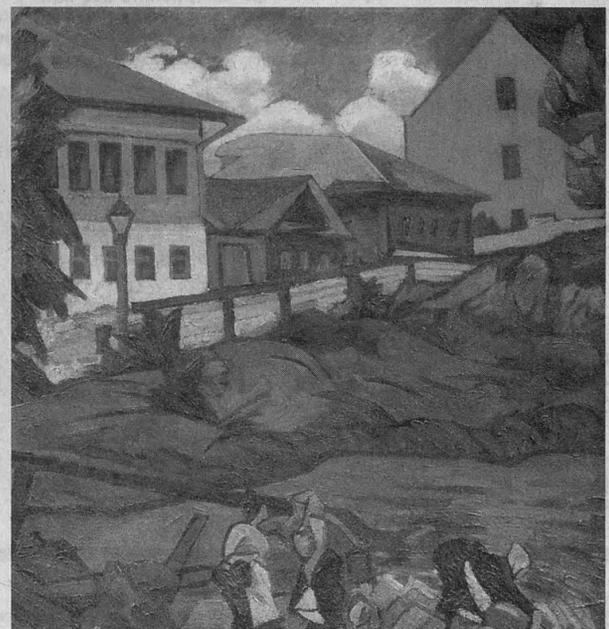
В январе 1914 года на страницах «Московской газеты» развернулась дискуссия на вечную тему — какой должна быть и какая есть на самом деле женщина в современном мире. Противопоставляли два образа — тургеневской барышни и «тангистки». Об актуальности проблемы говорят имена участников анкетирования, которое устроила газета. Среди них — Алексей Толстой, Федор Сологуб, Михаил Ларионов. Гончарова писала: «Если мужчины все еще мечтают о тургеневских барышнях, то им все равно придется это дело бросить». Сама же она не была ни тургеневской барышней, ни стильной тангисткой. Какой была? Спокойной и сдержанной, с тихим голосом, серьезным взглядом и почти иконной внешностью.

Удивительно, но именно с иконописными ликами сравнивают ее почти все современники. «В ней, как в иконах, — строгость», «высокая, удлиненная, как византийская икона». Вот только натура страстная, не монашеская. «Внешнее явление Гончаровой. Первое: мужественность. — Настоятельница монастыря. — Молодой настоятельница. Прямота черт и взгляда, серьезность — о, не суровость! — всего облика. Человек, которому все все-речь. Почти без улыбки, но когда улыбка — прелестная. Легкость походки, неслышность ее. При этой весомости головы — почти скольжение. То же с голосом. Тишина не

Такой Наталья Гончарова предстает на автопортрете.

Из книги «Светоочи российской культуры»

Провинциальный пейзаж кисти Гончаровой.

Из книги «Дягилев и его эпоха»

дом позже — ретроспектива в Петербурге, правда, уже более скромная. Успех был огромным. Как отмечал Дягилев, Гончарова повергла к своим ногам весь Петербург и всю Москву. Третьяковская галерея приобрела несколько работ, каталог выставки дважды переиздавался, новым заказам не было числа.

Один из заказов поступил от известного импресарио Сергея Дягилева — на оформление балета «Золотой петушок» на музыку Римского-Корсакова в постановке Михаила Фокина. 24 мая 1914 года в Гранд-Опера в Париже состоялась премьера. И снова феерический успех и признание, теперь уже на Западе. Критики писали, что Гончаровой удалось найти в декорациях и костюмах цветное соответствие духу пушкинского текста и музыке Римского-Корсакова. Русский лубок и фантастический Восток причудливо переплелись в

вол». И строка из ее дневника: «Все проходит — любовь, дружба, только труд остается».

В 1908 году Наталья Гончарова написала свой знаменитый автопортрет. На нем — спокойная и уверенная женщина. В руках у нее букет тигровых лилий, за спиной развешены холсты. Открытый взгляд и легкая улыбка на губах. Взгляд художницы, улыбка амазонки.

В Париже на улице Сен-Бенуа, недалеко от аббатства Сен-Жермен, когда-то было (а может и сейчас еще есть) маленькое кафе, где часто собирались поэты, художники и журналисты, где ежедневно завтракали и обедали Гончарова и Ларионов. Хозяйкой кафе была в те времена мадам Варе, которая часто с восхищением говорила: «Как хороша мадам Гончарова, сразу видно — гранд-дам и гранд-артист!»